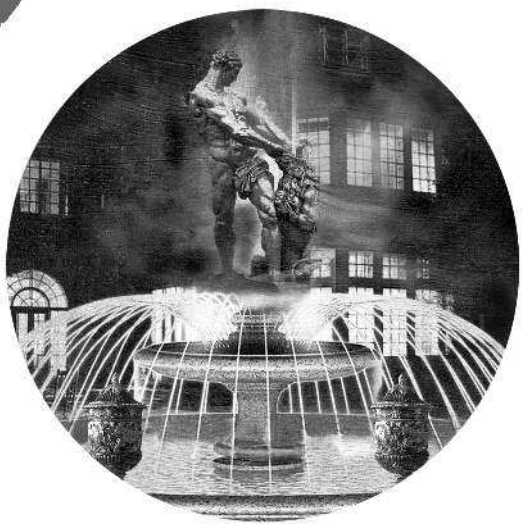
первая среди лучших

Татьяна Устинова – первая среди лучших! Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

ТАТЬЯНА

Устинова



Жизнь, по слухам, одна!

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

У80 **Устинова, Татьяна Витальевна.**
Жизнь, по слухам, одна! : роман / Татьяна Устинова. – Москва : Эксмо, 2015. – 352 с. – (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-80592-1

Он не ожидал ничего сверхъестественного от обычной командировки в Питер. Но все моментально вышло из-под контроля, когда Глеб Звоницкий неожиданно встретил Катю, ту самую Катю... Когда-то Глеб служил в охране ее отца, губернатора Белоярского края, а потом ушел с работы.

Катя всегда была немного «не от мира сего», и Глеб по привычке решил было, что снова должен защитить и спасти ее!.. Но на этот раз все выйдет наоборот – Катя подберет его в парке, полумертвого и истекающего кровью. Катя заставит Глеба принять участие в расследовании убийства близкого ей человека. Катя объяснит ему, что жизнь на самом деле одна – по крайней мере, до сих пор никому не удавалась вторая попытка!

Он не ожидал ничего сверхъестественного от обычной командировки в Питер – и получил все. Может быть, жизнь на самом деле одна, но Глебу удалось повторить попытку и начать все сначала. Говорят, такое бывает...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80592-1

Генерал! Только душам нужны тела.
Души ж, известно, чужды злорадства,
и сюда нас, я думаю, завела
не стратегия даже, но жажда братства:
лучше в чужие встревать дела,
коли в своих нам не разобраться.

И. Бродский «Письмо генералу Z»

Питер встретил его дождем, заливавшим самолетный иллюминатор. Ветер гнал дрожащие капли, и они двигались странно — не вниз, согласно законам тяготения, а вбок. Докатившись до края, капли поворачивали наверх и исчезали.

Глеб некоторое время рассматривал капли.

— Ну, вот мы и дома, — сказал кто-то из соседей, глядя в иллюминатор на серое низкое небо, нависшее над залитой дождем полосой. — Слава богу.

В Москве было солнечно и тепло — последние отблески лета перед затяжной непогодой! — а здесь уже осень, свинцовые тучи и ветер, треплющий мокрые желтые куртки служащих, вышедших к только что приземлившемуся самолету.

Глеб сильно устал в последние дни, как-то навалилось все сразу: и работа, и неприятности, крупные и мелкие, и жена в очередной раз запретила ему видеться с сыном.

— Нечего ребенку нервы мотать! — сказала она Глебу решительно. — Он и так нервный!! А все из-за тебя! Был бы у него нормальный отец — и сын был бы нормальный!

От усталости у Глеба побаливала голова, и ему приятно было думать о том, что на сегодня все дела у него закончились и осталось только приятное — дорога из Пулкова в центр, залитые дождем проспекты, размы-

тые желтые огни, всклокоченные ветром бурые каналы, несущиеся под сгорбившимися от непогоды мостами. И вечер в гостинице, которую Глеб любил больше всех остальных гостиниц на свете!.. Он много ездил по миру, и все постоялые дворы для путешественников были для него на одно лицо; только, пожалуй, парижские отели он кое-как помнил, но ни один из них не мог сравниться со знаменитой «Англией», занимавшей угол между Большой Морской и Исаакиевской площадью.

Сейчас очень горячую ванну, мечтал Глеб, потом ужин, виски возле окна, выходящего на мрачную громаду Исаакиевского собора, и спать, спать!..

Все дела начнутся завтра, и все трудные мысли будут завтра — например, как быть с сыном, которого Глеб почти не видел.

...Зачем люди портят друг другу жизнь? Какой в этом смысл? Почему нельзя жить легко и радостно, получать удовольствие от того, что ты есть, просто есть на свете?!

А звук в телефоне можно на всякий случай выключить!.. На работе все знают, что он улетел, шеф сегодня звонить не должен, а на остальных наплевать! Ну можно хоть один вечер провести так, как хочется?!

«Англия» встретила его сухим и чистым теплом, сиянием старинных медных люстр, отражавшихся в мраморных полах, вкусными звуками посуды и струнного квартета, доносившимися из ресторана, — отель улыбался ему, как старому другу.

— Здравствуйте, Глеб Петрович! Мы рады, что вы снова у нас в гостях!

Глеб скинул на пол сумку, которую тут же подхватил услужливый швейцар. Глеб на него оглянулся.

— Четыреста восемнадцатый номер, ваш всегдашний! Проводить, Глеб Петрович?

— Спасибо, не нужно, я и сам дойду!

Глеб много лет работал и жил, как самые обычные люди, и к роскоши и удобствам своей нынешней жизни никак не мог привыкнуть. Он забрал у швейцара сумку — тот все порывался проводить его в надежде на чаевые, — зашел в лифт и нажал кнопку.

Все вокруг было знакомым, почти родным, раз от раза забывавшимся и теперь вспоминавшимся с радостным чувством возвращения домой.

Ну конечно, вот и латунные ручки, и медные канделябры, и льняные шторки с затейливо вышитой буковкой «А», вензелем отеля, и скульптуры на мраморных колоннах по обе стороны от лифта — справа Аполлон и слева Венера, оба «голые» и «прекрасные». Или про скульптуры нужно говорить не голые, а обнаженные?..

Не пойдет он ни в какой ресторан, чего он там не видел?! Он закажет еду в номер, наденет халат, сядет возле окна, как барин, будет ужинать и смотреть на собор.

Он любил иногда поужинать именно с этим собором. Ему казалось, что они разговаривают и отлично понимают друг друга!

Он долго сидел в ванне, добавляя то горячей, то холодной воды и почитывая журнальчик, — этакий хлюст, джентльмен после трудового дня, командированный в номере за четыреста евро в сутки!..

В журнальчике все тоже было очень приятно и легковесно, ничего раздражающего или требующего умственных усилий. Известный певец приезжает на гастроли и даст концерт в Ледовом дворце. Известная писательница написала еще один романчик и готовится написать следующий. Новый ресторан приглашает гостей, кухня европейская, но есть еще и японская, какой модный ресторан без японской кухни! Девушки в кокошниках и кимоно, чайная церемония к услугам особо взыскательных клиентов. Премьерой «Чайки» откры-

вается сезон в таком-то театре. Плох тот театр и никудышен тот режиссер, который ни разу не поставил «Чайку»!.. В концепции данной постановки Нина Заречная представлена натуральной чайкой, пойманной на Финском заливе. Весь спектакль она сидит в клетке. Затем ее выпускают, и она мечется над зрительным залом, символизируя стремление к свободе. Все монологи чайки читает из-за кулис специальная актриса.

Глеб уронил журнальчик на пол, еще посидел немного, поливая себя горячей водой, и вылез из ванны. Полотенца были огромными, халаты уютными, девушка, принимавшая его заказ на ужин, любезна и весела — «Англия» никогда не подводила!..

Часам к одиннадцати Глеб решил, что сию минуту все равно не заснет, хотя надо бы, потому что завтрашние дела начнутся рано, но программа сегодняшнего сибаритства не была выполнена до конца. Точка еще не поставлена!.. Он кое-как напялил джинсы и свитер и спустился в бар.

Там было немноголюдно, люстра притушена, зато зажжены матовые уютные торшеры, и пахло трубочным табаком.

Глеб спросил виски, уселся так, чтобы видеть Исаакий, пристроил ногу на ногу, вздохнул и по многолетней привычке огляделся по сторонам.

Какая-то парочка миловалась на плюшевом малиновом диванчике возле соседнего окна. Парочка сидела так, что лиц было не видно, зато можно было наблюдать лысину кавалера и лавину платины и золота волос дамы. Она все время делала некие пассы, не отпускала его руку, обнимала за талию, целовала в заросшее ухо и порывалась взгромоздиться на колени. Лысина была абсолютно безучастна. В откинутой руке она — «лысина» — держала телефон и время от времени посматривала на экранчик, где, видимо, ничего интересного не происходило. Волосатая кисть опускалась, нос отвора-

чивался в сторону, и златовласая опять предпринимала штурм.

Интересно, подумал Глеб, что чувствует мужчина, когда прекрасная дама так активно пытается его соблазнить? Да еще в общественном месте!.. Гордость? Радость? Страх? Скуку?

Компания иностранцев, многолюдная и шумная, угощалась пивом и джин-тоником на круглом диване в углу. С этими все понятно — они только что вернулись из оперы, дамы в маленьких черных платьях и жемчугах на жилистых шеях, джентльмены в черных пиджаках и бриллиантовых запонках. Наверняка давали что-нибудь особенно русское — «Хованщину» или «Ивана Сусанина», в некоем монархическом порыве переименованного в «Жизнь за царя», — и они старательно досидели до конца, слушая каждую арию с подчеркнутым вниманием и со священным ужасом вглядываясь в накладные бороды лопатами на широких лицах певцов и в слегка помятые кокошники, водруженные на накладные косы певиц. Потом они долго аплодировали, переглядывались друг с другом и значительно кивали. Что, мол, я тебе говорил?.. Русский медведь еще и под балалайку плясать горазд!..

Некто тяжеловесный, массивный, в кургузом пиджаке, который был ему маловат, важно прошествовал в угол. За ним поспешала официантка. Должно быть, важный гость.

Охранник, точная копия хозяина, только помоложе и полегче, пристроился к столику за колонной. Витой шнурок наушника торчал из-за его воротника.

Глеб усмехнулся и глотнул из стакана. Виски приятно стек в горло, и там, где он тек, становилось тепло и как-то весело.

— Мне чаю с мятой, — громко приказал «кургузый пиджак» официантке, — и сигару подайте!..

Вот это отлично! Чаю с мятой и сигару! А попро-

сить, чтобы хьюмидор принесли, понюхать каждый сорт и выбрать табак по вкусу? Особенный, тот, который хочется именно сегодня? А виски? Да так, чтоб подходил именно к этой сигаре?!

Официантка побежала к своей конторке, но по дороге забежала еще к охраннику, за колонну.

Ну, этот, решил Глеб, сейчас попросит папиросу и ситро, не иначе!..

Образец понимания и тонкости вкуса!

Глеб и сам этой тонкостью никогда не страдал, но шеф заставил научиться.

— Раз ты со мной рядом сидишь, будь любезен, правила выучи! — душевно сказал он однажды. — У меня проблем и без тебя хватает! Твое рабоче-крестьянское происхождение не повод для того, чтоб ты меня ставил в неловкое положение.

Александр Петрович Ястребов отличался тем, что говорил не слишком много, особенно с подчиненными, но если уж говорил, то раз и навсегда.

Глеб Звоницкий понял это сразу, как только Ястребов взял его на работу.

Научиться? Пожалуйста, мы можем и научиться!

И он научился. Есть палочками, пить виски, различать «молты» — односолодовые сорта, носить костюмы, выключать в общественных местах звук у мобильного. Вилка и нож во время еды не могут быть на скатерти, только на тарелке, а салфетка, в свою очередь, только на коленях. Разговор всегда начинает тот, кто назначил встречу, и никогда приглашенный. «Очень приятно» при знакомстве говорит тот, кто главнее, или старше по возрасту, или женщина, если знакомят с женщиной!

Сыр — это десерт, а не закуска. Коньяк — дижестив, а не аперитив, после ужина можно, а до ужина ни в коем случае.

Скажите, пожалуйста, из какого терминала улетает

самолет компании «Джет-эрлайнз» в Тель-Авив? Отлично, а где стойка регистрации бизнес-класса?..

Если письмо начинается словом «уважаемый», его можно закончить словами «с наилучшими пожеланиями» или «искренне ваш», но никогда «с уважением»!

Сам Ястребов учился этому много лет и преуспел. Его начальник службы безопасности выучился за несколько месяцев.

— Глебушка, — говорила Звоницкому жена Ястребова Инна, — да ты прирожденный царедворец и светский лев, честное слово!

Глеб смущался и краснел. Вообще жена Ястребова его смущала.

Развеселившись, Глеб допил виски, закурил и еще раз оглядел бар. Парочка все играла — он ломается, она ластится. Иностранцы тянули пиво и громко хохотали. Кургузый отдувался после каждого глотка, со звяканьем возвращал на блюдце чашку ломоносовского фарфора и попыхивал сигарным дымом. Сигару он держал средним и указательным пальцами, как папиросу. Какая-то женщина пристроилась за соседний с Глебом столик и попросила кофе. Лица ее Глеб не видел, только сутулую спину и мятый синий воротник, выглядывавший из-под свитера.

Завтра с утра он позвонит портовому начальству и поедет объясняться — партия немецкого оборудования для полиграфического производства прибыла еще два месяца назад, да так и осталась в порту. Какие-то бумаги оказались не в порядке, и, когда Ястребов попросил разобраться, выяснилось, что бумаги как бумаги, те же самые, что были и в прошлом, в позапрошлом году, а не в порядке свежеиспеченный начальник таможенной службы, взявший в свои руки бразды правления как раз два месяца назад. Начальник с бухты-барахты запретил абсолютно всем ввозить абсолютно все и сделал одно маленькое исключение для тех, кто, собственно, и оп-

ределил его на столь хлебное, хотя и небезопасное место. Результатом его активности стали переполненные склады и терминалы, срывы всевозможных сроков, инфаркты у тех, кто послабее, и припадки холодного бешенства у тех, кто посильнее. Ястребов был как раз из последних.

— Глеб Петрович, — сказал он, вызвав Звоницкого к себе, — я понимаю, конечно, он новый человек, не разобрался еще, что к чему, но у меня производство простаивает, и оборудование недешевое. Два миллиона евро за машину — какие-никакие, но деньги!

Глеб согласился, что деньги. Какие-никакие.

— Ну и сделай так, чтоб я больше про этот самый порт или причал, что ли, ничего не слышал. Сделаешь?

Глеб пообещал, что сделает.

Материалы собирали не слишком долго, дней пять. Глеб, прочитав досье, некоторое время смотрел в окно кабинета, прикидывая, что лучше — пугать или задабривать, и решил, что правильнее пугать. Новый начальник — никто, пустышка, дурачок на «Мерседесе», и кажется ему, убогому, что он теперь сильный мира сего! Хочет — выдаст оборудование по два миллиона евро за контейнер, а не хочет — найдет нарушения (кто же без нарушений ввозит!) и не выдаст. Дурашке следует объяснить, что нехорошо так поступать со взрослыми и солидными людьми, играющими по взрослым правилам в солидные игры. Конечно, полиграфкомбинат в Белоярске не самое большое и прибыльное производство Александра Петровича Ястребова, но денежки приносит — какие-никакие! — и, главное, работу людям дает!.. Вот это дурашка должен скумекать, отразить и доложить «наверх», что еще два месяца назад пришли какие-то немецкие ящики для Белоярска и что с ними делать — неясно. Выдавать или не выдавать? Хозяева ящиков уж больно переживают!.. А уж с теми, кому он доложит, Глеб Петрович договорится. Тех пугать бес-

смысленно, они сами кого хочешь запугают, но можно попробовать потолковать.

Информации много, ходов и связей тоже достаточно, поиграем, посмотрим!.. А может, и играть не придется!.. Сойдемся на том, что произошло недоразумение, вы нам ничего не должны, и мы на вас не в обиде!..

Все эти дела следует делать как можно быстрее, ибо в Белоярске уже почти началась зима, а для того, чтобы монтировать оборудование в несколько тонн весом, на полиграфкомбинате разобрали стену — иначе машины на второй этаж никак не поднять. Метели вот-вот пойдут, а несколько цехов стоят без наружной стены, проломы полиэтиленом занавешены!..

Сукин ты сын, вдруг подумал Глеб про портового коммерсанта. Сволочь ты последняя!.. Наплевать тебе на все, кроме собственной задницы и «Мерседеса»! На людей, на разобранные стены, на то, что в цехах у рабочих зуб на зуб не попадает, пар изо рта валит, и никакими обогревателями на таких площадях не спасешься! Нету тебе никакого дела до того, что на этом комбинате несколько тысяч семей кормится, что наладчиков из Германии привезли и уже два месяца в гостинице держат, а бюджет на производстве не резиновый, где же столько денег взять, чтобы три десятка немцев кормить, поить, содержать?! Ты орел, орлище, после работы в казино поедешь, денежки просаживать — эту маленькую слабость коммерсанта служба безопасности моментально раскопала! — а через недельку в Таиланд махнешь, к тамошним массажисткам-акробаткам, отдыхать от праведных трудов, а всем остальным что делать?! Задницу тебе лизать, умолять, чтоб сжалился, чтоб выдал оборудование, пожалел?! Вот же тебе и денежек за это, кучечку, пачечку, как скажешь!

Не на того напал, решил Глеб Петрович. Конечно, нельзя заранее так настраиваться, работа есть работа, ничего личного, как говорится, но раз уж я настро-

ился — мало тебе не покажется! С хозяевами твоими мы, может, и по-другому договоримся, а тебе, мокрохвостому, Таиланда с акробатками еще долго не видать!..

Довольный собой и своими чрезвычайно правильными, справедливыми и очень мужскими мыслями, Глеб Петрович лихо расписался в счете — это называлось «записать на номер», — оставил щедрые чаевые и направился в сторону лестницы.

Иностранцы разошлись, кургузый, отдуваясь, допивал чай, люстры были притушены, и официантка, неслышно и проворно убиравшая со стола, улыбнулась ему усталой, но приветливой улыбкой. Глеб браво улыбнулся в ответ, засмотрелся, и тут ему под ноги с дивана, где сидела та, сутулая в синем воротничке, свалился какой-то портфельчик, шлепнулся плашмя. Глеб его поднял.

— Извините, пожалуйста.

Женщина схватила портфель двумя руками, как будто Глеб собирался его отнять, затолкала за спину и пробормотала, не глядя:

— Ничего.

И тут он ее узнал.

— Катя?

Она уставилась на него и, кажется, пришла в смятение — впрочем, она всегда была в смятении, черт ее знает почему!..

Глеб стоял и ждал, что именно она сделает. Притворится, что не узнала? Кинется на шею? Зарыдает — это она тоже умела!..

— Здравствуйте, Глеб Петрович.

Она не пригласила его присесть, не улыбнулась, но и не зарыдала. Прогресс налицо!

— Давненько мы с вами не виделись, — сказал Глеб, рассматривая ее.

— Да, Глеб Петрович. Давненько.

— Как поживаете, Катя? Что поделываете? Вы же, кажется, художник?

Он отлично знал, что никакой она не художник.

Она ничего не ответила, но как будто спохватилась и пригласила его присесть.

— Я лучше пойду, Катерина Анатольевна, — сказал Глеб. — Мне завтра рано вставать.

Она покивала, словно отпуская его. Темные, давно не стриженные волосы лезли ей в глаза, и она все время заправляла их за уши.

— Спокойной ночи.

— До свидания, Глеб Петрович.

Он дошел до лифта и оглянулся. Катя снова сгорбилась над своей чашкой, и, похоже, портфель, засунутый за спину, очень ей мешал, потому что теперь она сидела на самом краешке дивана.

Глеб помедлил, проклял все на свете и вернулся к ней.

— Кать, чего вы здесь сидите? Поздно уже, и на улице дождь! Вы же где-то на Каменноостровском живете?

Она посмотрела на него совершенно равнодушно. Он бы ушел, если бы мог.

Когда-то он служил начальником охраны у ее отца, белоярского губернатора Мухина, правда, вначале работал простым охранником. Кате тогда было лет двенадцать, а может, и меньше. У нее были длинные худые ноги с выпуклыми коленками, веселая мордаха, ямочки на щеках и ярко-зеленые кроссовки с тремя полосами.

Собственно, из-за этих самых кроссовок и случилась дружба губернаторской дочки и охранника, младшего лейтенанта по званию. В летнем трудовом лагере, куда Катю услали на лето, чтобы она получала подобающее трудовое воспитание на свекловичных полях, кроссовки у нее украли. Губернаторская супруга, возражавшая против полей всей душой, потихоньку от му-